

УДК [811.111.42+811.161.1.42]:27-246
ББК 81.2Рус-5+81.2Англ-5
DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-55-59

Е. Ю. Балашова
Саратов, Россия

Elena Yu. Balashova
Saratov, Russia

**РЕЧЕЖАНРОВЫЙ АНАЛИЗ
ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ПРИТЧИ
НА МАТЕРИАЛЕ ПРАВОСЛАВНЫХ
И ПРОТЕСТАНТСКИХ ИСТОЧНИКОВ**

**GENRE COMMUNICATIVE ANALYSIS
OF THE GOSPELS PARABLE
ON THE MATERIAL OF ORTHODOX
AND PROTESTANT SOURCES**

Исследования отдельных видов дискурса становятся всё более актуальными в современной лингвистике. Последние десятилетия в отечественной науке о языке дискурсология сложилась как отдельное направление, ориентированное на исследование теоретических и прикладных аспектов дискурса. В этой связи изучению религиозного дискурса посвящено большое количество работ конца 1990-х и начала 2000-х годов. Жанр Евангельской притчи является неотъемлемой частью системы жанров указанного вида дискурса и в то же время представляет собой своеобразный подтип, занимающий промежуточное положение между первичными и вторичными религиозными жанрами. Таким образом, исследование жанра притчи вносит существенный вклад в изучение жанровых образцов религиозного дискурса, а также его жанровой специфики в целом. Целью данной статьи является лингвофилософский анализ Евангельской притчи о неводе на материале русскоязычного и англоязычного Нового Завета, а также анализ православных и протестантских толкований упомянутой притчи. Для достижения поставленной цели в работе были использованы метод контекстного и семантико-когнитивного анализа, а также методы дискурсивного, лингвокультурного и лингвофилософского анализа. Изучение толкований притчи о неводе в православной и протестантской традициях показало, что протестантскому субдискурсу, в отличие от православного, свойствен эсхатологический трагизм, тогда как в православном преобладает морально-этический акцент.

Ключевые слова: религиозный жанр, притча, религиозный дискурс, макроконцепт, семантико-когнитивный анализ, когнитивная единица, лингвофилософский анализ, библейская филология.

The study of particular kinds of discourse becomes more and more actual in modern linguistics. During the last decades in Russian linguistics discoursesology developed into a separate direction focused on study of theoretical and applied aspects of discourse. In this connection many researches of the end of 90s and beginning of 2000s are dedicated to the study of religious discourse. The Gospels parable genre is an integral part of the genre system of the above-mentioned discourse and at the same time it is a specific subtype taking the intermediate position between primary and secondary religious genres. So the research of parable genre contributes to study of religious genres and genre specifics of religious discourse in general. The purpose of the given article is linguophilosophical analysis of the Gospels' parable of the net on the material of Russian and English New Testament and also analysis of Orthodox and Protestant commentaries of the above-mentioned parable. To reach the given purpose the method of contextual and semantic-cognitive analysis, the method of discourse analysis, linguocultural and linguophilosophical analysis were used in this article. The study of the parable of the net in Orthodox and Protestant interpretation traditions showed that Protestant subdiscourse, unlike Orthodox subdiscourse, is characterized by eschatological tragedy while in the Orthodox subdiscourse there is moral and ethical accent.

Key words: religious genre, parable, religious discourse, macroconcept, semantic-cognitive analysis, cognitive constituent, linguophilosophical analysis, biblical philology.

Сведения об авторе: Балашова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков.

Место работы: Саратовская государственная юридическая академия.

E-mail: balashovaelena@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9993-8116

About the author: Balashova Elena Yurevna, Doctor of Philology, Professor of Foreign Languages Department.

Place of employment: Saratov State Academy of Law.

E-mail: balashovaelena@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9993-8116

Жанр Евангельской притчи занимает особое место в классификации жанров религиозного дискурса и, по сути, представляет собой промежуточный жанровый подтип, обладающий характеристиками как первичных религиозных жанров (прецедентность, интертекстуальность), к которым принадлежат тексты Священного Писания, так и вторичных религиозных жанров (самостоятельность композиции, особые образные средства, формально-знаковое выражение содержания), включающих церковную публицистику, проповеди, молитвы, духовную поэзию, святоотеческие писания и проч.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров выделяют «два аспекта притчи – *ретроспективный*, поскольку она подытоживает целый ряд ситуаций, имевших между собой общие, типические черты, и *перспективный*, так как слушатели способны применить содержание притчи к новой конкретной ситуации, в которой они оказались» [1: 741–742]. Основными функциями этого жанра повествования, по мнению указанных исследователей, являются «функция типизации жизненных ситуаций, а также управление поведением адресата в соответствии с определёнными парадигмами поведения, эксплицитно содержащимися в притче и получающими ту или иную этическую оценку» [Там же].

В фокусе исследований западных лингвистов и библеистов находится триада «притча – аллегория – метафора». В XX в. большинство западных учёных, занимавшихся исследованием притчей, чувствовали необходимость ограничивать притчи от аллегорий. Подчёркивалось, что притчи строятся вокруг одного центрального пункта сопоставления между событиями рассказа и Царством Божиим, каким его представляет слушателю Иисус, а потому из каждой притчи можно извлечь лишь один главный урок. Второстепенные детали имеют значение лишь в той мере, в какой они подкрепляют и усиливают центральную мысль. Аллегии же – это более сложные рассказы, в которых подлечит «расшифровке» большее число деталей. Однако некоторые современные исследователи (Gregoire Rouiller, John W. Sider) считают, что «притчи Иисуса можно признать аллегориями» [2: 73–74]. «Это не означает, что каждая деталь притчей обладает собственным смыслом, такого требования к аллегорическому жанру не предъявляется. Многие детали служат исключительно для создания фона или усиления интереса к персонажам для большей выразительности создаваемой картины» [Там же: 73].

По мнению К. Бломберга, «Евангельские притчи представляют собой аллегии, независимо от дополнений и интерпретаций позд-

нейшей традиции, и вполне вероятно, что каждая из них несёт в себе более одного смысла» [Там же: 74].

В свою очередь, другая группа западных учёных-библеистов стоит на позициях отождествления притчи с метафорой (Ernst Fuchs, Eberhard Jüngel, Eta Linnemann, Paul Ricoeur). Выдающимся поборником понимания притчи как метафоры принято считать Поля Рикера, который перечислил 6 различий между традиционным и современным пониманием термина «метафора», во всех шести случаях отстаивая современный подход:

«1) как основную единицу смысла нужно рассматривать не отдельное слово, а всё предложение;

2) метафора – это не отклонение от буквального значения слова, а создание напряжения путём сопоставления слов, которые обычно не вступают в сочетание друг с другом (“этот человек – волк”, “добрый самарянин”);

3) понимание метафоры возникает не из выявления сходства между буквальным и переносным значениями включённых в неё слов, а из ощущения шока, вызванного сочетанием обычно несовместимых слов;

4) поэтому метафоры – не подмена буквального языка, а семантическая инновация;

5) их нельзя перевести языком пропозиций, как обычно пытаются сделать;

6) поэтому метафора – не просто литературное украшение, а способ передачи информации о реальности» [3: 76–77; 4: 173–215].

«Если признать “новый” взгляд на метафору верным, то, будучи метафорами, притчи не могут быть также аллегориями. Можно сказать, что притчи, подобно метафорам “перформативны”, а не “пропозициональны”, то есть они не передают информации, а осуществляют некий акт: обещают, предостерегают, сообщают дар или призывают к чему-то» [2: 145].

Как западноевропейские, так и отечественные исследователи религиозного дискурса сходятся во мнении, что одним из его ключевых системных макроконцептов является макроконцепт *Царство Божие*, составляющий когнитивный фундамент указанного дискурса и несущий особую смысловую нагрузку. Наиболее ярко данный макроконцепт представлен в блоке притч о Царстве Божием, где оно сравнивается с горчичным зерном (Мф. 13: 31), закваской (Мф. 13: 33), скрытым на поле сокровищем (Мф. 13: 44), жемчужиной (Мф. 13: 45–46) и, наконец, закинутым в море неводом (Мф. 13: 47–48).

Примечательно, что термин «Царство» большая часть протестантских источников предлагает понимать как «всеобщее и суверенное правление Бога, а не Церковь» [2:

213], тогда как православные авторы разграничивают Царство Небесное как Царство Бога, предназначенное для праведников после окончательного Суда, и Царство Божие как основанное Христом на земле объединение верующих в Него, то есть Церковь.

Как правило, и протестантские, и православные исследователи библейского текста включают 6 Евангельских притч о Царстве Божием в единый понятийный блок и проводят их параллельный сопоставительный анализ, однако в рамках данной статьи мы ограничимся лингвофилософским анализом одной из самых ярких и в некоторой степени трагичных притч этого блока – притчи, где «Царствие Божие подобно неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода» (Мф. 13: 47–48).

Лингвофилософский анализ как особый вид анализа текста представляет собой интерпретацию его содержания, проводимую с когнитивных позиций и ориентированную на выявление сети базовых когнитивных единиц, стоящих за текстом и выступающих в качестве мельчайших элементов смысла. Существуют разные степени освоения содержания текста языковой личностью и разные способы его существования в индивидуальном сознании: интуитивный, метафорический, дискурсивный [5]. Как показывает анализ толкований притчи, этот особый религиозный жанр может существовать в сознании индивида как в интуитивном (интуитивное восприятие основной морали притчи), так и в метафорическом (восприятие системы образов притчи) и дискурсивном (отнесение жанра притчи к религиозному дискурсу) планах. Исследование жанра притчи на материале православных и протестантских источников позволяет выявить специфику его дискурсного функционирования.

Так, православные источники ориентированы прежде всего на богословский и аксиологический анализ указанной притчи, раскрывающей, по мнению Ф. Болгарского, суть христианской веры, которая должна заключаться в делах человека: «Страшна эта притча ибо она показывает, что если мы и веруем, но не имеем доброй жизни, то брошены будем в огонь... Ибо хотя бы мы и веровали, но если окажемся дурными, то будем выброшены вон...» (1: 217–218). Семантико-когнитивный анализ данного толкования позволяет вычлнить такие когнитивные единицы макроконцепта *Царство Божие*, как *действенность веры*, *страх Божий*, *спасение*.

Иоанн Златоуст сопоставляет притчу о неводе с притчей о плевелах: «Чем различается эта притча от притчи о плевелах? И там одни спасаются, а другие погибают. Но там одни погибают от принятия вредных учений,

а другие от невнимания к слову (Божию); здесь же причиною гибели бывает порочная жизнь...» (2: 96–97). Кроме того, упомянутый автор ставит в один ряд весь блок притч о Царстве Божием, показывая, что во всех притчах содержится единый элемент – путь к гибели: «Видишь ли, сколько путей к гибели? Камень, терния, путь, плевелы, невод» (Там же: 97). Таким образом, данное толкование содержит такую бинарную оппозицию, как *спасение – гибель*.

М. Барсов предлагает следующее толкование притчи о неводе: «Под именем невода, коему Господь уподобил Царство Небесное (Мф. 13: 47), разумеется то, что, как брошенный в море невод захватывает всякого рода рыбу, так и вечное Царство Христово, заключая в себе людей всех стран, доставляет спасение каждому, по мере веры... Посему, как из невода по извлечении его из воды добрые рыбы собираются в сосуды; так, когда над Церковью Господнею, то есть над именующимися христианами и соединёнными единством веры, будет суд, то устоявшие в истине будут взяты в сосуды, то есть в вечные обители, а еретики... будут извержены из Царствия Небесного» (3: 872). Так, анализ представленного толкования позволяет выделить когнитивные единицы: *спасение*, *единение*, *истинность*.

Толкование исследуемой притчи Б. И. Гладковым также содержит бинарную оппозицию *спасение – гибель*. Здесь говорится о том времени, когда «Евангельская проповедь распространится по всему миру, когда основанная Христом Церковь вместит в себе (охватит) все народы земли; тогда вытащат невод на берег, хорошее соберут в сосуды, а худое выбросят вон» (4: 332).

В целом можно говорить о том, что в центре анализа притчи о неводе по материалам православных источников является её аксиологический компонент, её мораль, заключающаяся в грядущем наказании грешников и блаженстве праведников. Ключевой когнитивной оппозицией притчи является оппозиция *спасение – гибель*.

Принципы анализа данной притчи (и в целом притчи как религиозного жанра) в протестантских источниках представляются нам несколько иными. Прежде всего необходимо отметить, что западноевропейским комментаторам свойственна литературоведческая и отчасти лингвистическая направленность анализа – тщательное исследование системы метафорики притчи и её контекста, выявление скрытых смыслов, импликаций, анализ тематической структуры.

Так, К. Бломберг выделяет три группы притч: «простые притчи с тремя основными

темами, сложные притчи с тремя основными темами и притчи с двумя и с одной главной темой. Так, притча о добром семени и плевелах, а также притча о неводе относятся к первой группе притч, где обычно действуют три главных персонажа с одной авторитетной фигурой и двумя противопоставленными друг другу подчинёнными» [2: 183].

Упомянутый исследователь относит притчу о неводе к группе простых притч с тремя основными темами и соотносит её с притчей о пшенице и плевелах: «Вместо образов хороших и плохих семян появляется хорошая и плохая рыба. Не описывая периода, когда оба вида рыбы сосуществуют в море, Иисус сразу же сосредотачивает внимание на моменте поимки и рассортировки. Но в прочем содержание и структура притчей на редкость схожи, хотя в притче о неводе меньше подробностей» [Там же: 215]. Таким образом, на основе анализа тематической структуры указанных притч К. Бломберг объединяет обе притчи в единый структурно-семантический блок. Кроме того, он выделяет тему «трагичности» притч о неводе, пшенице и плевелах и о десяти девах в качестве определённого семантического стержня, связующего перечисленные притчи на сюжетном и понятийном уровнях.

К. Бломберг выделяет в притче о неводе три эпизода и предлагает следующее их истолкование: «1) ст. 47–48 описывают работу невода, который обозначает Бога, пришедшего в последний день судить свой народ; 2) ст. 48 описывает судьбу хорошей рыбы, которая означает праведников, – они будут собраны и сохранены для дальнейшего служения; 3) ст. 48 описывает судьбу гнилой рыбы, символизирующей неискрупленных, – они будут выброшены вон. Итог в ст. 49–50 завершает только эту последнюю тему, так что акцент, по видимому, делается на ней» [Там же: 215–216].

Так, семантико-когнитивный анализ данного толкования позволяет выделить следующие когнитивные единицы макроконцепта *Царство Божие*: *праведность, служение, единение, спасение – погибель*. Кроме того, когнитивная единица *проповедь* может быть выделена из следующего контекста: «Упоминание различных видов рыбы обычно понимается как призыв к ученикам проповедовать всем народам, невзирая на этнические различия» [Там же: 216].

New American Bible (NAB) также проводит параллель между притчей о неводе и притчей о пшенице и плевелах, смещая акцент на трагический конец первой: «The concluding parable of the fishnet resembles the explanation of the parable of the weeds with its stress upon the final exclusion of evil persons from the kingdom»

(NAB: 53). Таким образом, представленное толкование имплицитно содержит когнитивную оппозицию *спасение – погибель*, являющуюся частью когнитивной структуры целого ряда притч.

Существенным отличием протестантских толкований Евангельских притч является наличие эсхатологического контекста, придающего трагический смысл всей притче. Православные толкования подобных импликаций не содержат [6]. Так, К. Бломберг приводит пример толкования притчи о неводе одним из протестантских комментаторов: «Все прежние формы теократии закончились судом и карой: изгнание из Эдема, катастрофический потоп, Вавилонская башня и Вавилонское пленение. Возникает вопрос, к чему приведёт новая форма Божьего правления. Христос даёт ответ в притче о неводе» [2: 217]. Приведённый пример показывает, насколько функциональна когнитивная единица *трагичность* в протестантском субдискурсе, тогда как в православном акцент смещается на бинарную оппозицию *спасение – погибель*, оба элемента которой являются последствиями свободного выбора образа жизни.

Таким образом, можно сказать, что анализ притчи как особого религиозного жанра неодинаково представлен в западноевропейских и отечественных источниках. Первые ориентированы на литературоведческие принципы исследования (изучение степени сложности сюжета, выявление количества главных тем и персонажей и т. д.), тогда как вторые интерпретируют притчи в лингвофилософском и богословском направлениях, раскрывая глубинную суть основ веры и духовной жизни человека. Как в православном, так и в протестантском субдискурсах макроконцепт *Царство Божие* содержит относительно стабильный набор когнитивных единиц: *действенность веры, служение, единение, праведность, спасение – погибель*, однако протестантскому субдискурсу в гораздо большей степени свойственен эсхатологический акцент, которого практически лишён православный субдискурс, обнаруживающий тенденцию перевеса морально-нравственного компонента.

В целом можно сказать, что в силу своей композиционной и когнитивной сложности жанр Евангельской притчи требует глубокого разностороннего изучения. Методы анализа указанного жанра, на наш взгляд, целесообразно разделять на 2 группы: литературоведческие приёмы и собственно речевой анализ отдельных образцов, а также приёмы лингвофилософского и лингвокогнитивного анализа, позволяющие выявить набор базовых когнитивных единиц, составляющих своеобразный фундамент жанра Евангельской

притчи, а также определить специфику функционирования исследуемого жанра не только в религиозном дискурсе, но и в сознании языковой личности. Применение перечисленных методов в комплексе может оказаться весьма продуктивным не только в плане изучения притчи как отдельного жанра, но и в плане разработки методологии анализа в таких областях, как библейская филология, лингвофилология и лингвокультурология.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. М.: Индрик, 2005. 1040 с.
2. *Бломберг К.* Интерпретация притчей / пер. Л. Сумм. М.: Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2005. 380 с.
3. *Ricoeur P.* Biblical Hermeneutics // *Semeia*. 1975. № 4. 168 p.
4. *Ricoeur P.* The Rule of Metaphor. Toronto ; L.: Univ. of Toronto Press, 1977. 136 p.
5. *Чернейко Л. О.* Лингвофилософский анализ абстрактного имени. 2-е изд. М.: URSS, 2010. 272 с.
6. *Балашова Е. Ю.* Жанровая специфика концептуального поля *надежда/hope* в православном и протестантском субдискурсах // Язык – Коммуникация – Образование: методология исследования и практика преподавания: сб. науч. тр. по материалам I Всерос. науч.-практ. конф. (Саратов, 24 марта 2017 г.) / под ред. Е. Ю. Балашовой. Саратов: «ИП Коваль Ю. В.», 2017. С. 9–15.

ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА

1. Святое Евангелие от Матфея с толкованием блаженного Феофилакта, Архиепископа Болгарского. М.: Новая книга; Ковчег, 2004. 512 с.
2. *Святитель И. Златоуст.* Толкование на Евангелие от Матфея. Беседы 1–41 / ред. С. Ерёмин. М.: Правило веры, 2008. 928 с.
3. *Барсов М. В.* Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению Четвероевангелия с библиографическим указателем: в 2 т. М.: Лепта, 2002. Т. 1. 858 с.
4. *Гладков Б. И.* Толкование Евангелия. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2004. 846 с. (Репринт 1913 г.).
5. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Саратов: Изд-во Саратов. епархии, 2006. 831 с.
6. The New American Bible revised New Testament. N.Y.: Costello Publishing Company; Michigan: William B. Eerdmans Publishing Company, 1986. 774 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Балашова Е. Ю. Речезанровый анализ евангельской притчи на материале православных и протестантских источников // *Жанры речи*. 2018. № 1 (17). С. 55–59. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-55-59

REFERENCES

1. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Yazyk i kultura* [Language and Culture]. Moscow, Indrik Publ., 2005. 1040 p. (in Russian).
2. Blomberg Craig L. *Interpreting the Parables*. InterVarsity Press, Illinois, 1990. 380 p. (in Russian).
3. Ricoeur P. Biblical Hermeneutics. *Semeia*, 1975, no. 4. 168 p.
4. Ricoeur P. *The Rule of Metaphor*. Toronto, London, Univ. of Toronto Press, 1977. 136 p.
5. Чернейко Л. О. *Lingvophilosophskiy analiz abstraktnogo imeni* [Linguistic-philosophical analysis of an abstract name]. 2-е изд. Moscow, URSS, 2010. 272 p. (in Russian).
6. Balashova E. Yu. Zhanrovaya spetsifika kontseptualnogo polya nadezhda/hope v pravoslavnom i protestantskom subdiskursah [Genre specificity of the conceptual field of Hope]. In: *Yazyk – Kommunikatsiya – Obrazovaniye: metodologiya issledovaniya i praktika prepodavaniya: sb. nauch. tr. po materialam I Vseros. Nauchno-praktich. Conf.* [Hope in Orthodox and Protestant sub-discourses. Language – Communication – Education: research methodology and teaching practice: coll. sci. works. on materials I all Russian scientific and practical Conference] (Saratov, 24 March 2017). Saratov, IP Koval' Yu. V. Publ., 2017, pp. 9–15. (in Russian).

SOURCES OF MATERIAL

1. *Svyatoye Evangeliiye ot Matfeya s tolkovaniem blazhennogo Feofilakta, Arkhiepiskopa Bolgarskogo* [The Holy Gospel of Matthew with the interpretation of the blessed Theophylactus, Archbishop of Bulgaria]. Moscow, Novaya kniga, Kovcheg Publ., 2004. 512 p. (in Russian).
2. Svyatitel I. Zlatoust. *Tolkovaniye na Evangeliiye ot Matfeya. Besedy 1–41* [Prelate I. Chrysostom. Interpretation of the Gospel according to Matthew. Conversations 1–41]. Moscow, Pravilo very Publ., 2008. 928 p. (in Russian).
3. Barsov M. V. *Sbornik statey po istolkovatelnomu i nazidatelnomu chteniyu Chetveroevangeliya s bibliograficheskimi ukazatelem* [Collection of articles on the interpretive and instructive reading of the Fourth Gospel with a bibliographic index]. Moscow, Lepta Publ., 2002. Vol. 1. 858 p. (in Russian).
4. Gladkov B. I. *Tolkovaniye Evangeliiya* [Interpretation of the Gospel]. Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra, 2004. 846 p. (in Russian).
5. *Novy Zavet Gospoda nashego Iisusa Hrista* [The New Testament of our Lord Jesus Christ]. Saratov, Izd-vo Sarat. eparhii Publ., 2006. 831 p. (in Russian).
6. The New American Bible revised New Testament. New York, Costello Publishing Company; Michigan, William B. Eerdmans Publishing Company, 1986. 774 p.

Статья поступила в редакцию 14.10.2017

For citation

Balashova E. Yu. Genre Communicative Analysis of the Gospels Parable on the Material of Orthodox and Protestant Sources. *Speech Genres*, 2018, no. 1 (17), pp. 55–59. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-55-59.